

● ● ●
Молчит душа, покорная и сонная,
и мозг в оцепенении тупом,
мечта чиста, как операционная,
любимая в костюме голубом.

Я слышу, как она ломает ампулу,
готовит инструменты для врача,
спокойно изложившего преамбулу
того, что намечается сейчас...

Но до конца не верится, о Господи,
насколько всё серьёзнее с тех пор,
как я попал в чудесный этот госпиталь,
под взоры самой скромной из сестёр.

Верхний город

Лупят капли по брусчатке—
редко до поры,
и в ужасном беспорядке
лепятся дворы
к старой крепости... Заблудшим
будет ясно впредь,
что навес кантины лучше
жажды всё узреть.

Не до церкви с черепичной
крышей! Отдышись,
поглазей на непривычно
медленную жизнь:
как, болтая, что-то жарят
в трепетном чаду,
как покой преобразает
всякую черту.

Отдыхают сухогрузы
в бухте—далеко,
ну а мы закажем узо
македоникó,
ибо дождь, иным не занят,
чувствуя момент,
увлечённой барабанит
в полинялый тент...

Памяти друга

Прослезисься, смеяся,
вспомнив разное: прелесть и грязь,
всех знакомых своих
по стране, где весёлая мразь,
наяву, а не снясь,
добавляла коленом под дых...

Всё по-старому здесь,
так что если б в России воскрес,
то талантам своим
ты б нашел применение: стойт
твой театр, и повсюду царит
негомеровский ритм.

Те же деньги в ходу,
тот же вид на Охотном Ряду,
если выйти к Кремлю:
здесь украдкой глотали мы брют,
ожидая, когда же начнут
новогодний салют...

Будто в жизни иной,
за обтёртой общажной стеной—
гомерический смех:
там, пока не пришёл комендант,
поднимается тост за талант,
за блестящий успех!

Ты любил этот мир,
жар софитов, бряцание лир,
хмель признания—весь
беспощадный актёрский набор,
что едва ли менялся с тех пор,
как ты там, а не здесь.

Так же выступления входят в пазы,
так же тикают наши часы,
пока Господу не надоест,
так же слышно далёко окрест
то премьеру июльской грозы,
то бухой похоронный оркестр...

Неоакадемизм

День любит мускулатурой реки,
ветер грудью налёг на гранит парашета...
Здесь художнику снились его моряки,
волевые боксёры и легкоатлеты—
оставалось проснуться и зарисовать
источавшие силу фигуры и лица:
как навязчивый сон, вспоминаю опять
поворот головы и замах олимпийца...

Измеряя в шагах петербургский проспект,
я увлёкся натурой и сбился со счёта:
ослабляет контрасты рассеянный свет,
и рельеф отсыревшей лепнины нечёток,
лик домов всею впитанной краской набряк
и потрескался, вторя старинным полотнам...
Разошлись по собраниям спортсмен и моряк,
чтоб свободный художник остался свободным.

Не матрос на холсте—пешеход на мосту
крепким ветром сейчас продуваем не хуже
и всю оттеняет небес пустоту,
как Гурьяновым боготворимые мўжи...
Время пишет Неву, и роскошны мазки,
но предел совершенства иных не тревожит—
спит спокойно художник: его моряки
и спортсмены становятся только дороже.

● ● ●
Фонарь во тьме, не здесь и не сейчас,
зажёгся, получился—и погас:
кому там не спалось—глухою тайной
останется в ночи документальной,
где хмурый Муром дремлет на боку,
одной рукою обхватив Оку,
а та глядит с душою беспокойной
на поезд, тараторящий над поймой...

Плывя над бывшим паводковым дном,
немудрено забыть об остальном,
когда на грани слепоты и зренья
из темноты случайные деревья
внезапно появляются в окне—
и тут же исчезают в глубине,
лишь изредка, к пути приблизив лица,
пытаясь не чернеть, а серебриться...

Их мимика мгновенна и сложна:
по ним бежит воздушная волна—
и смешивает жёсткий ритм цуга
с их ропотом бессилья и испуга,
а выплеснутый в ночь машинный свет
стекает по мятущейся листве,
чтоб после ручейком блеснуть в кювете...
И сон разменян на мгновенья эти.